

Тарас
ПРОХАСЬКО

НЕПРОСТЫЕ

Тарас Прохасько
НепрОстые (сборник)

«Фолио»
2002, 2005

УДК 821.161.1(477)

Прохасько Т.

НепрОстые (сборник) / Т. Прохасько — «Фолио», 2002, 2005

ISBN 978-966-03-8076-9

Тарас Прохасько (род. в 1968 году в Ивано-Франковске) закончил Львовский университет, участвовал в студенческом движении 1989–1991 гг., работал учителем, барменом, сторожем, радиоведущим. Но главное его призвание – литература и журналистика. Его произведения выходили не только на украинском, но и на польском, английском, русском, немецком языках и были отмечены несколькими престижными премиями. В издательстве «Фолио» в 2011 году вышла книга Т. Прохасько «Лексикон таємних знань». Роман «НепрОстые» (2002) – философская притча в форме дневника, размышления над жизнью, проникнутые тонким юмором, иронией и самоиронией. Это повествование о стрелке Себастьяне и трех его женщинах по имени Анна, разворачивающееся на протяжении 1913–1951 гг. в Карпатах, – удивительная история любви, инцеста, судьбы, бессмертия, вечного возрождения или, быть может, даже вырождения. Тарас Прохасько учит читателя жить созерцая, что проповедовал еще Будда и к чему так сложно привыкнуть в сумасшедшем технократическом государстве...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8076-9

© Прохасько Т., 2002, 2005

© Фолио, 2002, 2005

Содержание

НепрОстые	6
Шестьдесят восемь случайных первых фраз	6
Хронологически	9
Письма к Бэде и от него	10
Генетически	13
Первая старая фотография – единственная недатированная	15
Физиологически	17
Ходить, стоять, сидеть, лежать	20
Ситуации в колорите	23
Вторая старая фотография – Арджелюджа, 1892	27
Искушения святого Антония	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тарас Прохасько

НепрОстые

© Т. Б. Прохасько, 2002, 2005

© А. С. Бинкевич, перевод на русский язык, 2018

© Д. О. Чмуж, художественное оформление, 2018

НепрОстые

А кто не прочитает сие эссе, тому так или иначе будет непросто в жизни, поскольку их Непростые обойдут своими явными сюжетами, даже выключат звук и свет.

Ярослав Довган

Шестьдесят восемь случайных первых фраз

1. Осенью 1951 года было бы неувидительно двинуться на запад – тогда и восток начал медленно перемещаться в том направлении. Однако Себастьян с Анной в ноябре пятьдесят первого ушли из Мокрой на восток, которого все же тогда было больше.

Точнее – на восточный юг, или юго-восток.

2. Это путешествие откладывалось столько лет не из-за войны – война слишком мало могла изменить в их жизни. Себастьян сам решился нарушить традицию семьи, по которой детям полагалось показывать места, связанные с семейной историей, в пятнадцатилетнем возрасте. Ведь когда Анне было пятнадцать, Себастьян осознал, что все повторяется и что Анна стала для него единственно возможной женщиной во всем мире. И он не только может жить лишь возле нее, но и не может уже существовать без нее.

Тем временем в Яливце – в том родовом гнезде, куда следовало отвезти Анну, – ее ждали Непростые. И Себастьян знал, что они очень легко убедят дочь остаться с ними.

В конце концов то, что Анна тоже станет Непростой, было предусмотрено ими еще во время ее рождения.

3. В апреле пятьдесят первого Анна почувствовала, что папа Себастьян – ее единственный возможный мужчина, и они стали любить друг друга.

Той весной многие ходили неслыханными маршрутами и переносили невероятные слухи. Так Себастьян узнал, что Непростые исчезли из Яливца. С тех пор о них никто ничего не слышал.

Все лето Себастьян с Анной беспробудно занимались любовью, и мимо них прошло несколько разных армий. Ничто не мешало идти ни на восток, ни на юг, ни на юго-восток. Когда стало по-настоящему холодно и дороги плотнее втиснулись в свои колеи, они, наконец, вышли из Мокрой и через несколько дней должны были быть в Яливце. Путешествие откладывалось три года. Но Себастьян ничего не боялся – у него снова была настоящая женщина. Той же породы, что и всегда.

4. Он не мог себе представить, как сможет показывать дочери места в горах от Мокрой до Яливца на самом деле. Вместо четырех дней необходимо, чтобы путешествие длилось четыре сезона. Только так – а еще днем, ночью, утром и вечером Анна могла бы увидеть, как в одно и то же время по-разному выглядит эта дорога. Он смотрел на карту, читал названия вслух и становился счастливым уже от этого одного.

Его даже не огорчало, что карта ни о чем не говорила Анне.

Правда, немного беспокоили деревья, которые не видел столько лет, – чаще всего именно из-за их роста места становятся неожиданно неузнаваемыми. И еще – это самое веское доказательство необходимости никогда не оставлять близкие деревья на произвол судьбы.

Что касается самого перехода, то ни одно путешествие и так не знает, что с ним может произойти, не может знать своих истинных причин и следствий.

5. Когда-то Франц говорил Себастьяну, что на свете есть вещи, гораздо важнее того, что называется судьбой. Франц имел в виду прежде всего место. Есть место – есть история (если же ткется история, значит, должно отыскаться соответствующее место). Найти место – создать историю. Придумать место – найти сюжет. А сюжеты в конце концов тоже важнее, чем судьбы. Есть места, в которых невозможно уже ничего рассказать, а иногда стоит заговорить одними только названиями в правильной последовательности, чтобы навсегда овладеть интереснейшей историей, которая будет удерживать сильнее, чем биография. Топонимика способна ввести в заблуждение, но ею можно вполне обойтись.

6. И с Себастьяном произошло нечто подобное. Он нашел для себя Яливец, придуманный Францем. Его зачаровала лингвистика. Топонимика захватила его, а не просто он увлекся ее завораживающей круговертью.

Плеска, Опреса, Темпа, Апеска, Пидпула, Себастьян, Шеса, Шешул, Менчул, Билын, Думень, Петрос, Себастьян.

Еще не существовало никаких гор, а названия уже были заготовлены. Так же как и с его женщинами – их еще не было на свете, когда его кровь начала смешиваться с той, которая должна была стать их.

С тех пор он был озабочен только тем, чтобы держаться этой ограниченной топонимики и этой усеченной генетики.

7. Франциск встретил Себастьяна на скале за Яливцом. Себастьян возвращался из Африки и стрелял птиц. Снайперская винтовка не давала ощущения убийства. Через оптику видно лишь определенное кино. Выстрел не то чтобы обрывает фильм, а вносит в сценарий какую-то новую сцену. Поэтому он настрелял довольно много всевозможных мелких птиц, которые летели над Яливцом как раз в Африку.

Вскоре должна была настать зима. Зима обязана что-то изменить. Зима указывает цель – это ее основное свойство. Она закрывает открытость лета, и это уже должно во что-нибудь вылиться.

Франциск искал что-то, из чего можно было сделать очередной анимационный фильм. И вдруг – накануне зимы: скала над городом, внутри города, стая птиц над горой, летящих в Африку, в Малую Азию, туда, где поля с шафраном, алоэ и гибискусом между гигантским шиповником неподалеку от длинного Нила, несколько сраженных в глаз разноцветных птиц, сложенных одна на другую, отчего различные цвета еще больше контрастируют, в каждом правом глазу отблеск межконтинентального Маршрута, в каждом левом – красное пятно, и ни одно перышко не повреждено, и легкий ветерок наворачивает пух с одного невесомого тельца на призрачный пух другого, и глаз стрелка в обратном преломлении оптики. И стрелок. Красный белый африканец.

8. У Себастьяна окоченели руки. Он отморозил их в ночной Сахаре, и с тех пор они не терпели рукавиц. Себастьян сказал Францу – а что же должны делать пианисты, когда так холодает?

Они смотрели во все стороны, и везде было хорошо. Потому что была осень, и осень перетекала в зиму. Франц называл разные горы, даже не показывая – где какая. После этого он пригласил его к себе. У него уже давно не было гостей – давно не встречал на скалах никого незнакомого. Очевидно, тогда они впервые пили кофе с грейпфрутовым соком, когда Анна принесла им кувшинчик на застекленную галерею, где в медной печурке полыхали обрезки

виноградных лоз. Себастьян тогда попросил, чтобы она немного задержалась и показала – что видно через это окно. Анна перечислила – Плеска, Опреса, Темпа, Алеска, Пидпула, Шеса, Шешул, Менчул, Билын, Думень, Петрос.

Была поздняя осень 1913 года. Франц сказал, что есть вещи, гораздо важнее того, что называется судьбой. И предложил Себастьяну попробовать пожить в Яливце. Темнело, и Анна перед тем, как принести второй кувшинчик, – почти один только сок, кофе несколько капель, – пошла постелить ему постель, потому что еще не смогла бы сделать этого на ощупь.

Хронологически

1. Себастьян остался в Яливце осенью 1913 года. Тогда ему было двадцать лет. Он родился по другую сторону Карпат – в Боржаве – в 1893 году. В 1909 целый месяц прожил с родителями в Триесте, а через год поехал воевать в Африку. Домой возвращался Черным морем, через Констанцу, дальше Роднянские горы, Грынява и Поп Иван. Прошел Черногору, прошел под Говерлой и Петросом. Была поздняя осень 1913.

2. Яливец появился за двадцать пять лет до этого.

Этот город придумал Франциск, которого чаще называли Францем. Двадцать лет Франциск жил в городах – Львове, Станиславе, Выжнице, Мукачево. Он учился рисованию только у одного графика (тот работал когда-то с Бремом, а после делал и подделывал печати) и должен был, и хотел, и мог переезжать за ним с места на место. Как-то ему показали фотоаппарат, и он перестал рисовать. Однако чуть позже сразу за Моршином умер иллюстратор, сопровождавший краковского профессора ботаники, – они ехали в Черногору описывать растения Гуцульщины. В Станиславе профессор встретил Франца, и через несколько дней тот увидел местность, где почувствовал себя на месте – сродно и счастливо. Через год Франциск вернулся туда и начал строить городок.

А еще через пять лет Яливец стал самым причудливым и довольно популярным курортом Центральной Европы.

3. Анна, из-за которой Себастьян остался в Яливце, сначала звалась Стефанией. Настоящей Анной была ее мать – жена Франциска. Она лечилась от страха высоты – была альпинисткой. Приехала на курорт вместе со своим приятелем-спелеологом. Они делали одно и то же лучше всех в мире. Только она лезла вверх, а он – вниз, но обоим больше всего не хватало пространства. Когда Анна забеременела от Франциска, то решила родить ребенка здесь, в Яливце. А когда родилась Стефания, то Анна уже никуда не хотела возвращаться.

Она погибла на дуэли, на которую была вызвана своим мужем. Тогда Франциск сразу и переименовал Стефанию в Анну. Он сам воспитывал дочь до того дня, когда пригласил в их дом Себастьяна, возвращавшегося из Африки в Боржаву. Тогда Франциск увидел, что отныне она либо будет слушать другого мужчину, либо не станет ни с кем считаться.

Письма к Бэде и от него

1. Единственным человеком, который знал их всех в течение нескольких десятилетий, был старый Бэда. Поговаривали, что он из Непростых. В любом случае Бэда знал и с ними. Когда Франц научил Анну читать и писать – долгое время он не хотел, чтобы она это умела, поскольку понимал, что Анна будет не писать, а записывать, и не читать, а перечитывать, а это казалось Францу ненужным, – она захотела узнать больше про начало Яливца, про маму. Такое могло быть известно только старому Бэде, и она писала ему письма с вопросами. Ответы приходили или очень скоро, или шли так долго, что казалось, будто в этот раз был указан ошибочный адрес (по которому не было никого, кто бы мог ответить, что Бэды там не может быть никогда).

Именно тогда Бэда начал жить в броневику, переезжая с места на место, но не пересекая границ определенного круга, центром которого был Яливец. Когда-то Бэда рассказал одну историю.

2. Когда он первый год прожил в своем броневику, то думал, что не сможет забыть ни одной его мельчайшей детали до конца жизни. Вскоре броневик наехал на мину, забытую итальянцами, строившими тоннель на Яблунницком перевале. Бэда чуть не умер. Его забрали какие-то гуцулы. Тело было полностью израненное, и вовсе не так, как ножом, саблей или топором, а так, будто открылись щели в земле. Его запихнули в бочку с медом и поили козьим молоком, створаживающимся в перегретом вине. А броневик взялись ремонтировать цыганские скрипачи. Через девять месяцев Бэда вылез из меда. Броневик стоял в саду, и дети, взобравшись на него, стряхивали с дерева осенние яблоки. Кажется, снежный кальвиль. Поэтому Бэда думал, что запомнил свой воз навсегда. Он вскарабкался, быстро слабея, по лесенке к люку и понял, что не помнит, как ему этой лестницей лазалось девять месяцев назад. Зажмурил глаза и не смог себе представить, где и что там, где все было таким знакомым. Успокаивал себя тем, что стала другой кожа. Или тем, что во время ремонта скрипачи отбросили какие-то детали. И не смог себя успокоить. Так писал старый Бэда.

Анна слала ему письма с вопросами о своей семье. Он писал, отвечая на вопросы, и всегда дописывал еще кое-что о себе, хотя она этого не просила, но читала с интересом.

3. Некоторые письма Анны выглядели примерно так:

...я не прошу, чтобы ты рассказывал все...

...я тебе тоже хочу много всякого сказать о Яливце, Франциске, маме, Непростых. Ты же один-единственный во всем мире, кто знал их всех...

...я сама не знаю – зачем мне все это, но я их чувствую без голосов. Я чувствую свое тело, я начинаю думать так, как оно. Вдруг понимаю, что я не самостоятельна. Я завишу от них всех, потому что ими тоже думает мое тело...

...мне не плохо от такой зависимости, но я хочу знать – что во мне чье: что Францево, что мамино, что Непростых, что от Яливца, а что мое...

...сомнение – это нечто большее, чем ошибка...

...скажи еще что-нибудь...

...рассказывай дальше...

...как когда-то давно выглядел Яливец...

...я так говорю: я так тебя очень люблю, есть и есть...

...я знаю, что мама появилась уже тогда, когда Яливец стал модным. Таких курортов больше в мире не было...

...обо всех наших предыдущих папа всегда говорил, употребляя слово «возможно»...

4. Старый Бэда отвечал (Если бы я помнил все, что они говорили, что мы говорили. Даже без того, что рассказывал я. И если бы они рассказывали тогда мне все то, что они говорили без меня. Но они тоже мало что помнили, кроме нескольких фраз. Когда же ты не помнишь, как говорил, как тебе отвечали, то никого нет. Ты не услышишь голосов. Надо слышать голос. Голос живой и голос оживляет. Голос сильнее образа. Франц говорил мне, что есть вещи, значительно важнее, чем судьба. Скажем, интонации, синтаксис. Когда хочешь остаться самим собой – никогда не отвергай собственных интонаций. Он всю войну говорил тем же голосом, что всегда. Я не могу говорить с тобой второй раз только об этом. Я не могу рассказать тебе всего того, что ты хочешь услышать. Я могу говорить. И тогда ты можешь услышать то, что хочешь. А наоборот – нет. Но и ты всего не запомнишь. Сказанное проходит. Нам хорошо теперь потому, что нам хорошо говорится. Мне нравится слушать, когда я рассказываю тебе. У вас в семье никто не признавал общепризнанного синтаксиса. Знаешь, какие ваши фамильные фразы: есть и есть, надо и надо, безответственная последовательность плотная, я так тебя очень люблю... Сомнение – это больше, чем ошибка, или меньше. Но надольше. Говорят, что твой дед – мамин папа, он не местный, откуда-то из Шариша – имел небольшой сад. Он мечтал там жить на старости лет. Лежать на своих лежанках из ракушек улиток, курить опиум и пинать босой ногой стеклянные шары. Он огородил небольшой кусочек земли, засеял его отборной мелкой однородной травой. В центре закопал страшно высоченный столб и пустил по нему плющ, фасоль и дикий виноград. Рядом выкопал яму и засыпал ее всю ракушками. Говорили, будто что-то подобное он когда-то увидел за высоким забором в Градчанах, когда заблудился там и полез на черешню посмотреть, куда дальше идти. На том лежаке он лежал, когда курил. Голову клал на большой плоский камень, на котором росли только лишайники. Он ходил в Белые Татры, собирал какие-то споры и заражал или оплодотворял ими камень. Еще он сам выдувал стеклянные шары, внутри которых размещались живые цикламены. Шары можно было толкать, они катились, цикламены переворачивались и через некоторое время начинали выкручиваться – корнями – к земле, а верхом – к солнцу. Сад уничтожили, когда мама была еще ребенком, и дед бежал вместе с ней и всеми детьми в горы. Франц также не местный. Никто не скажет тебе, откуда он пришел, откуда вы родом. Он захотел жить в Яливце, надеясь, что там не будет никаких впечатлений, не будет происходить никаких историй. Он хотел, чтобы вокруг не происходило ничего такого, за чем не успеваешь. Ничего, что надо было бы запоминать. Был еще очень молодым. Не знал, что так не бывает – это во-первых – жизнь бурлит везде, пусть по-мелкому, однообразно, но стремительно, неповторимо и бесконечно. А во-вторых – ничего и так не следует запоминать, хватать насильно. То, что должно остаться, приходит навстречу и прорастает. Такова ботаническая география – полнота радости прорастания. Я знаю, что первая Анна появилась уже тогда, когда Яливец стал модным. Отовсюду съезжались пациенты, чтобы пить джин. Городок выглядел уже тогда так, как сейчас, только не было твоих выдумок. Были построены небольшие отели, пансионаты с барами. Там можно было пить самому в номере, вместе с кем-то, в обществе, три раза в день, натошак и на ночь, или всю ночь, или могли разбудить посреди ночи и подать порцию в постель. Можно было оставаться спать там, где пил, или выпивать с врачом или психотерапевтом. Я любил напиваться на качелях. Анна очень хорошо лазала по скалам. Она чувствовала вес каждого фрагмента собственной площади и умела разложить ее на вертикальной стене. Там ничего не надо видеть масштабно. И главное – ты всегда с тросом. Она думала, что ей все безразлично, а на самом деле начала бояться. Начала приезжать в Яливец после того, как сильно расшиблась. Потом снова могла хорошо лазить, хотя побаивалась. Не могла доходчиво объяснить, потому что почти не умела говорить, хоть и думала каждым миллиметром тела. Франц тогда был в два раза больше, чем сейчас, – можешь себе представить, что они чувствовали. Франц никогда никому такого не рассказывал. Но я знаю, что лучше всего им было тогда, когда Анна забере-

менела. И это – не из-за «быть может». Почему-то принято считать, что финалом определенного сюжета является смерть. На самом деле сюжеты заканчиваются как раз тогда, когда кто-то рождается. Не обижайся, но когда ты родилась, закончилась история Франца и твоей мамы...

Анне очень нравилось то, что писал Бэда на обертках, которые еще пахли различными фруктовыми чаями.

Генетически

1. Франциск считал себя человеком поверхностным. Любил поверхности. Чувствовал себя на них уверенно. Не знал, есть ли смысл залезать глубже, чем видит глаз. Хотя всегда прислушивался к тому, что говорили другие. И принимался к струям, что вырывались из пор. Смотрел на каждое движение, но, наблюдая за кем-то, не пытался представить – кто что думает. Не мог проанализировать сущность, поскольку переполненность внешних деталей давала достаточно ответов. Он не раз замечал, что вполне удовлетворяется теми объяснениями различных явлений, которые удается увидеть, не требуя доступа к знанию о глубинных связях между вещами. Чаще всего он пользовался простейшей фигурой мышления – аналогией. Преимущественно думал о том, что на что похоже. Точнее – что напоминает что. Здесь он перемешивал формы со вкусами, звуки с запахами, черты с прикосновениями, ощущения внутренних органов с теплом и холодом.

2. Но один философский вопрос интересовал его по-настоящему.

Франц размышлял о редукции. Он взвешивал, как огромная человеческая жизнь, бесконечность наполненных бесконечностью секунд постепенно может редуцироваться до нескольких слов, которыми, например, сказано все об этом человеке в энциклопедии (из всех книг Франц признавал только энциклопедический словарь Ларусса, и его библиотека состояла из полутора десятков доступных ларуссовских переизданий).

Одним из его развлечений было постоянное придумывание статей из нескольких слов или предложений в стиле Ларусса – обо всех, кого он знал или встречал. Статьи о себе он даже записывал. За годы их набралось несколько сотен. И хотя каждая содержала что-то, что отличало ее от других, все же его – пусть еще не законченная жизнь – вмещалась в несколько десятков хорошо упорядоченных слов. Это захватывало Франца и, не переставая удивлять, давало надежду на то, что жить так, как живет он, – вполне хорошо.

3. Еще одним доказательством его личной поверхностности было то, что Франциск ничего не знал про свой род. Даже об отце и матери знал только то, что видел в детстве. Они почему-то ни разу не говорили с ним о прошлом, а он ни разу не додумался хоть о чем-то их расспросить. Сызмальства лишь только рисовал в одиночестве все, на что смотрел. Родители умерли без него, у него тогда уже был свой учитель в другом городе. В конце концов как-то Франциск понял, что ни разу, даже в первые годы жизни, не рисовал ни маму, ни папу. Их редукция была почти абсолютной.

Пожалуй, именно страх продления такой пустоты заставил его рассказывать дочери как можно больше всякого о себе. Даже строение мира он пытался преподать ей так, чтобы Анна всегда помнила, что о том или другом ей впервые рассказал папа.

Хотя о ее маме – его Анне – он знал лишь то, что пережил вместе с ней, – чуть больше, чем два года. Но этого было достаточно, чтобы девочка знала о маме все, что положено.

А за всю свою жизнь – кроме последних нескольких месяцев – Анна ни дня не прожила без отца. Даже после того, как стала женой Себастьяна.

4. В сентябре 1914 года она добровольно ушла в армию и после нескольких недель подготовки попала на фронт в Восточной Галиции. Себастьян с Франциском остались одни в доме неподалеку от главной улицы Яливца. С фронта не приходило никаких вестей. И только весной 1915 в город пришел курьер и передал Себастьяну (Францу отрубили голову за день до того, и завтра должны были состояться похороны) младенца – дочь героической вольнонаемной Анны Яливецкой. Себастьян так и не узнал, когда точно родился ребенок и что делала беременная

Анна в страшных битвах мировой войны. Но точно знал – это его дочь. Назвал ее Анной, точнее второй Анной (это уже после ее смерти он часто говорил о ней просто – вторая).

5. Вторая Анна все больше становилась похожей на первую. Действительно ли они обе были похожи на самую первую – это мог знать только старый Бэда. Что касается Себастьяна, то он приучился ежедневно сравнивать себя и Франциска.

Он сам воспитывал свою Анну, не допуская к ней никаких женщин. И вот случилось так, что восемнадцатилетняя Анна самостоятельно выбрала себе мужа. Им оказался конечно же Себастьян.

6. На этот раз не было ничего такого, чего бы он не знал о беременности своей жены. В конце концов, только он присутствовал при рождении их дочери и – одновременно – родной внучки. И Себастьян видел, как рождение стало концом истории. Потому что в начале следующей его самая родная вторая Анна умерла за минуту до того, как третья оказалась у него на руках.

Где-то в своих горьких глубинах Себастьян почувствовал безумное скручивание и распрямление подземных вод, зарисовку и стирание миров, преобразование двадцати предыдущих лет в семя. Он подумал, что не надо никаких Непростых, чтобы знать, что такое уже когда-то с ним было, а с только что рожденной женщиной он доживет до подобного финала. Что дело не в удивительной крови женщин этой семьи, а в его неудержимой силе быть влитым в нее. Что не они должны умирать молодыми, а он не имеет права видеть их больше, чем по одной.

7. Себастьян вышел на веранду. Непростые, пожалуй, пришли уже раньше, но тихо сидели на скамейках, дожидаясь, пока закончатся роды.

На ужин Себастьян настрелял чуть ли не сотню дроздов, которые только что объели все ягоды на молодой черной рябине. Он испек их целыми – предварительно тщательно ошпав и натерев шафраном.

Две женщины – вижлунка-провидица и гадерница-змеезнатица – обмыли Анну и завернули ее в цветные покрывала.

Мужчины тем временем как-то покормили ребенка и сказали, что им ничего не надо ей говорить – поскольку она сама непростая. А еще сказали то же, что говорил Франц, что есть вещи гораздо важнее судьбы. Кажется, он имел в виду наследственность.

После ужина Себастьян никак не мог заснуть. Он вспоминал – не говорила ли когда-нибудь Анна про место, где хотела бы быть похороненной, и как накормить завтра ребенка. Потом стал думать об опытах пастора Менделя с горохом и решил, что этот ребенок будет счастливым. Попытался представить себя через семнадцать лет – в 1951 году – и сразу уснул.

Первая старая фотография – единственная недатированная

1. Невысокая стена, сложенная из плоских каменных плит неправильной формы. К тому же плиты очень отличаются размерами: есть тонкие и маленькие, как ладонь с подогнутыми пальцами, а случаются такие длинные, что на них можно удобно лежать; они же – самые толстые, но именно среди этих нет ни единой, отколовшейся ровно по всей длине; однако преобладают все же средние; если держать такую плиту перед собой, упершись подбородком в один конец, то второй едва достигал бы пояса; ограда имеет странную особенность: хотя выглядит очень целостно и, кажется, что никогда не заканчивается – именно так должны были выглядеть все обозначенные пределы – незаделанные щели между сложенным плашмя камнем вызывают желание или поменять плиты местами, или делать с каждой отдельно еще что-то.

2. Важно, что все камни абсолютно чистые. На всей стене – не растет никакого мха, ни единого малюсенького деревца или хотя бы стебля. Если даже какие-то листья и падали на нее с нескольких буков (стена достаточно широка, а листья уже желтеют и кое-где обрываются сухим ветром, как бывает в конце августа, – это понятно даже по черно-белой фотографии), то их кто-то тщательно смел с нагретого послеобеденным солнцем камня.

Между деревьями за стеной – тоже каменная кубическая постройка. Камни безупречно отшлифованы, кажется, что весь дом – монолит без единого окна. Рельеф на фронте имитирует четыре ящика, поэтому куб выглядит, как огромный комод. Дом построен так, будто верхний ящик немного выдвинут. На сравнительно небольшой металлической эмалированной табличке простым грубым мелким шрифтом написано YUNIPERUS.

3. А перед стеной – фрагмент дороги, выложенной уже речными плоскими булыжниками. Дорога начинается снизу посередине карточки, ведет в левый верхний угол, огибая высокую наклоненную кедровую сосну, и исчезает снова ближе к середине – естественно, сверху. В самом конце дорога поднимается под таким углом, что служит одновременно фоном снимка. Все время стена справа, а слева – узкий канал с пустыми бетонными берегами. Еще левее, уже за каналом, влезла лишь кусочек высокого дощатого настила, на котором стоят несколько пляжных лежаков и бочек со стройными кустами можжевельника.

4. Франциск в белом полотняном плаще с большими пуговицами стоит на самом краю канала, на берегу, расположенном ближе к дороге. Через руку у него переброшена одежда. Она такого же цвета, как и плащ, но можно различить, что там только рубашка и штаны. В другой руке – черные ботинки. По его позе видно, что он только что отвернулся от воды. А там – голова человека, который плывет по течению канала.

5. Лицо распознать невозможно, но Себастьян знает, что это он. Так бывало не раз: они прогуливались по городу – Себастьян медленно плыл по каналам, а Франц шел рядом по берегу.

Каналы сопровождали каждую из улочек Яливца. Таким образом вода из многих потоков, стекавших по городским склонам, собиралась в бассейн на его нижней границе. Себастьян мог часами плавать в горной воде, и они непрерывно разговаривали. Судя по всему, фотография, скорее всего, была сделана в конце лета 1914 года. Ведь только один раз с ними ходил молодой инструктор по искусству выживания, которого пригласили преподавать на платных курсах в

одном из пансионатов – начиная с сентября. Кроме него, в то время приехали еще учитель эсперанто и владелец гектографа. Но на прогулку по городу попросился только инструктор.

6. Сразу после купания и фотографирования инструктор предложил зайти куда-нибудь выпить джина, но Себастьяну с Францем хотелось легкого свежего вина из пушистого крыжовника, и они повели инструктора к Бэде, к броневнику, стоявшему между двумя пятнами-островами жребия доли. Бэда все лето собирал всевозможные ягоды, и теперь внутри броневика стояло несколько десятилитровых бутылей, в которых ферментировались разноцветные ягоды, нагретые металлическими стенами повозки.

Они сначала пробовали понемногу каждого вина, а потом выпили все крыжовниковое. Инструктор страшно разговорился и начал проверять, как Себастьян умеет решать легкие задачи по теории выживания. Оказалось, что тот почти ничего не знает и сможет очень легко умереть в самой невинной ситуации. Хотя Себастьян понимал, что такое выживание. Представлял так хорошо, что в конце концов перестал о нем заботиться. И все же выживал.

7. В Африке ему представлялось много удобных случаев погибнуть, но выжить было важнее, потому как интересно, что же такое Африка. Так, он, глядя на любой кусок земли – даже пи́сая утром, – видел, что находится на другом континенте, на неведомой тверди. Так он убедился, что Африка существует. Потому что перед тем перечень местностей, длинный ряд различий в архитектуре, размещении звезд, строении черепов и обычаях стирался принципиальной неизменностью квадратиков почвы и травы на ней.

8. А о выживании он впервые узнал тогда, когда эта трава начала гореть вокруг него. Ветер, преимущественно приносящий лишь психические расстройства, разгонял огонь в четыре стороны от того места, куда упал на высушенную землю. А потом, опередив огонь (возможно, он забежал именно туда, откуда его разгонял на четыре стороны ветер), Себастьян очутился внутри дождя, который накапливался целый год и потом тек затвердевшим красным грунтом многими параллельными потоками, для которых человек весит так же мало, как маленькая песчаная черепашка, и так много, как миллионы, мириады жаждущих течения семян, сброшенных отмершей ботвой, которая жила на протяжении многих месяцев без единой капли.

Инструктор был поражен невежеством Себастьяна. Он не верил, что кто-то позволяет себе спокойно жить, ничего не зная о том, как избежать ежедневной опасности. Поэтому Себастьян решил, что больше не скажет о выживании ни единого слова.

9. Таким образом, единственная недатированная фотография была сделана 28 июня 1914 года. Надо будет надписать эту дату на обороте хотя бы твердым карандашом.

Если бы надпись даже стерлась – а написанное карандашом непременно стирается, и обычно тогда, когда уточнить хоть что-нибудь уже некому, – зато от твердого карандаша должен остаться рельефный след, выдавленный и оставленный острым графитом на самом верхнем слое бумаги.

Физиологически

1. Каждый мужчина нуждается в учителе.

Мужчинам вообще надо учиться.

Некоторые мужчины отличаются не только способностью учиться и научиться, но и тем, что всегда знают и помнят – чему именно от кого они научились, даже случайно. И если у женщин память об учителях – не что иное, как проявление доброжелательности, то для мужчин – самая необходимая составляющая всего выученного.

Самые выдающиеся мужчины не просто учатся всю жизнь (учиться – осознавать то, что происходит), но и очень скоро становятся чьими-то учителями, настаивая на осознании прожитого. Собственно, так создается непрерывность обучения, которое вместе с генеалогическим древом обеспечивает максимальную вероятность того, что в течение твоей жизни мир не имел бы возможности измениться настолько, чтобы только поэтому полностью лишиться желания жить.

(Впоследствии и Франциск, и Себастьян увидели, как много некоторые женщины знают без учителей, как мудрые женщины становятся наимудрейшими, когда научатся учиться, а когда наимудрейшие помнят тех, от кого позаимствовали опыт, непринужденно делая его своим, то превращаются во что-то такое, чего никогда не сможет постичь ни один мужчина. Хотя бы потому, что у таких женщин ничему, кроме того, что что-то такое может существовать, ни одному мужчине научиться не удастся.)

2. График, который обучал Франца, учился у Брема. Брем учился у зверей. Годами график рассказывал Францу разные истории о Бремовых учителях.

Годами Франц смотрел на зверей и рисовал их привычки. Позже именно эта адаптированная зоология стала основой воспитания его дочери. Разумеется, этому же научил он и Себастьяна, когда тот навсегда остался в Яливец и стал жить в его доме. Поэтому и Себастьяновы дети знали эти истории так же хорошо.

3. Второй Анной Непростые заинтересовались именно потому, что она так умела понимать животных, могла становиться такой, как они, и жить с тем или иным зверем, не вызывая у него беспокойного ощущения инаковости. Что до Себастьяна, то ему нравилось, как каждое утро, для тонуса, Анна на несколько минут превращалась в кошку или лемура. А за совместные ночи он будто переспал даже с такими мелкими существами, как пауки и короеды.

4. Франциск довольно скоро заметил, что имеет несколько расширенную физиологию. Ясно, что физиология каждого существа зависит от среды, но в случае Франца эта зависимость оказалась преувеличенной. Он, несомненно, чувствовал, как часть того, что должно происходить в его теле, выносится далеко за границы оболочки. И наоборот – чтобы произойти, некоторые внешние вещи должны были частично пользоваться его физиологическими механизмами.

Франц думал, что чем-то напоминает грибы, перепутанные с деревом, или пауков, чье пищеварение происходит в теле убитой жертвы, или моллюска с внешним скелетом – раковинной, рыб, выпущенная сперма которых свободно плавает в воде, пока что-то не оплодотворит.

Он видел, как тем или иным мыслям не хватает места в голове и они размещаются на фрагментах пейзажа. Поэтому достаточно было посмотреть на какой-то участок, чтобы прочитывать осевшее там мнение. А для того чтобы что-то вспомнить, следовало мысленно пройти по знакомым местам, просматривая и собирая нужные воспоминания.

А занимаясь любовью с Анной, он точно знал, как она выглядит внутри, поскольку был убежден: он весь проходил ее внутренней дорогой.

5. Беспокоить собственная физиология перестала его сразу после того, как учитель поведал ему, что Брем рассказывал, будто у псов обоняние в миллион раз лучше, чем у людей. Это было непостижимо, никакое воображение не могло даже близко подойти к такому понятию. Но Франц, уменьшив порядок, по крайней мере, до десяти, озаботился тем, как все, что происходит снаружи, преувеличенно отражается в песьих головах, как сквозняки носятся по коридорам их мозга (это он также рассказал Себастьяну, и тот старался считаться с резкими запахами, чтобы псов не дразнило то, от чего невозможно убежать. Себастьян чуть не плакал, когда, идя на снайперские позиции – должен был намазывать ботинки табачным раствором, чтобы псы, раз затянувшись тем запахом, утратили охоту и способность идти за ним по следу). (Франц так заужал собак, что, поселившись в Яливце, завел себе несколько очень разных. Из уважения же никогда не воспитывал их. Псы жили, рождались и умирали свободными. Кажется, глядя на жизнь других собак в окрестностях Яливца, они были за это благодарны. В конце концов, именно они были настоящей интеллигенцией города.)

6. Правда, одного, пожалуй, самого интеллигентного, названного Лукачем в честь сербалесяничего, который научил Непростых выращивать деревья немного медленнее, чем дикий виноград, а во время войны окружил Яливец непроходимыми для войск зарослями, Франц вынужден был убить собственноручно.

7. Лукача покусал бешеный горноста́й.

Ему уже было очень плохо, и вскоре должна была начаться агония. Как это бывает при бешенстве, судороги могли усилиться от вида воды, от дуновения ветра в морду, от света, громкого разговора, от прикосновения к телу и поворота шеи.

Лукач лежал в оранжерее, в тени молодого бергамота. Как раз расцвели цветы пасифлоры со всеми своими крестами, молоточками, гвоздями и копьями, и Францу пришлось накрыть весь куст смоченным полотняным чехлом для пианино, чтобы терпкий запах страстей не раздражал Лукача (когда-то он так любил эти ароматы, что во время цветения целыми днями спал под пасифлорой, не покидая оранжерею).

Бергамот рос в самом конце длинного прохода. Франциск шел к нему с тесаком в руке через всю оранжерею, минуя экзоты один за другим. Пес посмотрел одними глазами на лицо, руку, лезвие и едва поднял голову, подставляя горло. Но Франц сделал иначе – обнял Лукача и прижал голову вниз, чтобы натянулись позвонки и удар начинался от спинного мозга, а не заканчивался им.

Несмотря на скорость, с которой была проведена операция, Лукач должен был успеть нюхнуть собственную кровь, а Франц отчетливо слышал, как скрипят ткани, через которые прорывалось лезвие. Создавалось впечатление, будто эти звуки доносятся во внутреннее ухо из собственной шеи (как слышишь временами собственный голос, когда кричишь под водопадом).

8. Убийство Лукача так поразило Франца, что потом ему не раз казалось, будто это Лукач смотрит на него глазами своих детей, будто жесты Лукача, позы и мимика иногда всплывают из-под шерсти песьих внуков и правнуков. Как будто Лукач оказался бессмертным.

Франц просто мало прожил, чтобы увидеть, что это не вполне так. Зато Себастьян имел возможность многократно убедиться, как можно входить в одну и ту же реку, живя и с женой, и с дочерью, и с внучкой.

Не усмотрел Себастьян ничего удивительного и в том, что сам Франц умер, как Лукач (пожалуй, лишь крови он не учуял, но звуки растерзанных тканей действительно слышал внутри), хотя убивали его не так старательно.

9. Точно так же никаких аллюзий не появилось у Себастьяна, когда лет через двадцать после смерти Франца на него прямо на середине моста через Тису набросился вышколенный военный пес. Себастьян лишь немного присел, чтобы удержать ускоренную тяжесть, и подставил летящей пасти упрятанный в тулуп локоть. Пасть сомкнулась на левой руке крепче, чем клещи, а Себастьян вынул правой большую бритву из кармана кожаного мешка и одним усилием отрезал собачью голову так, что она осталась вцепившейся в локоть, а тело свалилось на доски моста.

10. С такой расширенной физиологией Франциску не могло быть хорошо где угодно. Для него более всего подходило такое место, в которое – как в случае плаценты и эмбриона – его физиологии было бы максимально комфортно прорасти.

Бэда верно писал Анне – такая ботаническая география. Франц нашел место, которое делало путешествия необязательными.

Перед премьерой одного из своих фильмов в кинематографе *Yuniperus* он даже сказал публике со всей Европы: живу, как трава или можжевельник, так, чтобы не быть больше нигде после того, как семя ожило; дожидаясь мира, который станет мною; чтобы увидеть его не просто снизу вверх, а спроецированным на небо, то бишь увеличенным и достаточно искаженным, чтобы быть интересным; в конце концов, мое место всегда оказываться в центре европейской истории, потому что в этих краях история в разных формах сама является на наши подворья.

11. В Яливце, а точнее в месте, где еще не было Яливца, Франц начал жить по-настоящему. Даже несколько стесняясь своего ежеминутного счастья.

12. В тот день, когда они с профессором остановились между Петросом и Шешулом, Франц думал, что путешествует небесными островами. Лишь несколько самых высоких вершин выглядывали над облаками. Закатное солнце светило только им. Красная верхняя сторона облаков разливалась заливами, лагунами, протоками, поймами, дельтами и лиманами. О том, что в глубине, не было и речи.

На мягком склоне Франц нашел ягоды. Из-за нехватки летнего времени в этой высокогорной тундре они поспели одновременно – земляника, черника, малина, ежевика и смородина. Франц перестал принадлежать себе, включился в какие-то космические движения, потому что не мог остановиться, съел столько ягод, что должен был лечь, и только тогда почувствовал, что опускается на дно небывалого лона, не удержался и излился.

Чуть выше была еще весна и цвели пушистые первоцветы.

Еще выше медленно таял снег.

Франц помчался вниз и забежал между буками, среди которых царилась осень. Во время этого бега сквозь год он излился во второй раз. Профессор тем временем поставил палатку. Они съели по несколько гуцульских сырных лошадок и сварили чай из листьев всевозможных ягод. Тогда началась ночь. В лунном свете все выглядело заснеженным, румынские горы казались далекой полоской берега, а землю стремительно покидало тепло, наполненное запахом вермута.

Ходить, стоять, сидеть, лежать

1. Если города – действительно самые лучшие сюжеты, то кульминацией Яливца как города были, безусловно, времена, когда городским архитектором стала Анна – дочь Франциска.

Детям мультипликаторов, которые ни на шаг не отходят от отца, стать архитекторами легко. Особенно в городе, который придумал отец. По ее первым эскизам в 1900 году (Анне было тогда семь) построили новый синематограф *Yunipregus* в виде комода с ящиками – специально для показов Францевых анимационных фильмов.

Еще ребенком Анна спроектировала бассейн в виде гнезда чомги, плававший в озере, подземные туннели с отверстиями, как у кротов, на разных улицах города, бар, в котором выход был устроен так, что, переступая порог зала, оказывался не на улице, как мог надеяться, а точно в таком же зале, четырехэтажный дом-шишку и огромную двухэтажную виллу-подсолнух.

2. Потому что Анна думала телом. Каждое движение она могла чувствовать не только целостно, но и как последовательность напряжений и расслаблений мышечных волокон, вращения в суставах, замираний и взрывов кровотока, проникновения и выжимания струй воздуха. Поэтому фразами ее мышления были пространственные конструкции. Так что любое здание она видела, минуя покрытия. И опять же, как пространство, в котором происходят перемещения других подвижных и полуподвижных конструкций – пальцев, хребтов, черепов, коленей, челюстей.

3. При всем том Франциск заметил, что в самом начале фантазия Анны не могла выйти за границы симметрии. Он выяснил для себя, что зачарованность чудом природной симметрии является первым детским шагом к осознанному воспроизведению красоты мирового порядка.

4. Анна воспитывалась весьма ограниченно.

Еще когда она звалась Стефанией, а Анной была только ее мать, Франц понял, что главное в воспитании детей – как можно больше быть с ними. Очевидно, он проникся этим чересчур буквально, потому что после смерти жены почти двадцать лет не было ни одной минуты, когда бы они с Анной были врозь. Всегда вместе. Или в одной комнате, или вместе выходили из дома, или делали что-то в саду, видя друг друга. Даже купаясь, Анна никогда не закрывала дверей баньки. Им было важно иметь возможность постоянно слышать, что говорит другой. Это стало единственным принципом Францисковой педагогики. Удивительно, но ей такая жизнь пришлась по вкусу. С тех пор как Анна начала по-настоящему заниматься архитектурой, то просто содрогалась от радости, когда они работали за разными столами большого кабинета, – она записывала эскизы и делала чертежи, а папа рисовал свои мультфильмы.

5. Всю жизнь Франциск говорил не столько для нее, сколько просто вслух. Все то, что слушала Анна, слышали и их собаки. Анна редко что-то спрашивала, зато приучилась постоянно рассказывать обо всех своих ощущениях, пытаясь находить точные словосочетания.

Часто она перебивала Франца: расскажи то же самое еще раз, но не так кратко.

Анна не умела читать и писать, зато каждый день пересматривала картинки в Ларуссе. Музыка она слышала только в исполнении курортной капеллы и еще гуцульских флюяров¹, цимбалистов, гусяров, трембитарей². Сама играла только на дрымбе³. Круг рисовала без-

¹ Флюяр – музыкант, играющий на пастушьей свирели – флюяре.

² Трембитар – музыкант, играющий на трембите.

упречно, но составляла его из двух симметричных половинок. Так же точно умела делать любой эллипс, а прямую линию могла бесконечно продолжать, время от времени отдыхая несколько секунд или месяцев. О маме знала все, что положено знать девочке. Играла с собаками и таким образом находилась в обществе сверстников.

6. Она жила вдвое больше, ежедневно проживая свою и Францискову жизни.

7. Неожиданно для самой себя Анна начала рисовать фасолины. Движение, которым это делалось, давало самое высокое физическое наслаждение. Тысячные повторения не делали наслаждение меньше. Анна начала над этим задумываться.

Она везде видела фасоль – в речном камне и луне, в свернувшихся псах и позе, в которой чаще всего засыпала, в овечьих почках, легких, сердцах и полушариях мозга, в комочках овечьего сыра и шапочках грибов, в тельцах птиц и зародышах, в своей груди и любимых двух тазовых костях, которые торчали в низу живота, в берегах малых озер и в концентрических линиях, которыми показывалось увеличение высоты горы на географических картах. В итоге решила, что не что иное, как фасоль, является наиболее продуманной формой изъятия малого пространства из большего.

8. Об этом Анна рассказала старому Бэде, когда принесла целый мешок большой синей фасоли в его броневики и замерла – внутри броневики были полны фасоли разных размеров и цветов, вершина кучи медленно сползала, подобно потокам лавы в вулкане. Бэда собирал по всему Яливцу фасоль, чтобы отвезти ее на рынок в Косово.

Видно, потом он что-то говорил Непростым, потому что они пришли и сделали так, что очень молодую Анну назначили городским архитектором.

9. Когда Франц выбирал место, он особо заботился, чтобы там было хорошо во всех четырех состояниях – ходить, стоять, сидеть и лежать, – в которых может находиться человек.

С Анной было иначе. Она изначально жила в таком месте. Став архитектором, Анна начала выдумывать что-то новое. Она очень хорошо помнила то, чему научил ее Франц, и еще лучше – что учил сам Франц. Но впервые не поверила, что он сказал ей все.

10. Можно падать – и под некоторыми домами установили батуты, на которые прыгали прямо с балконов.

Можно висеть – и между двумя горами натянули веревки, которыми, взявшись за специальные держатели (их Анна нашла среди маминых альпинистских принадлежностей), съезжалось аж на центральную площадь, пролетев за несколько минут над крышами и нижними деревьями.

Можно раскачиваться – и на домах разместили трапеции, на которых легко перелетали на противоположную сторону улицы.

А еще можно катиться, подскакивать, ползать, копать – все это тоже было по-разному учтено в обновленном Яливце. Пациентов на джиновом курорте стало еще больше. Себастьян тогда уже воевал в Африке, а из станиславской тюрьмы сбежал террорист Сичинский.

11. Франц явно видел, что ничего нового Анна придумать не сумела, потому что даже во время падения (или, скажем, полета – если бы ей даже такое удалось) человек или стоит, или лежит, или сидит на воздухе.

³ Дрымба – вид щипкового музыкального инструмента.

Но новации ему нравились, и он предложил заливать на зиму все улицы водой. Яливец на несколько месяцев становился сплошным катком. Только держась за перила вдоль улиц, можно было как-то вскарабкаться в верхнюю часть города. Но Франц умел ходить по скользкому.

12. Путешествуя с Франциском по ближайшим горам, Анна видела много различных гуцульских жилищ. Присмотревшись внимательнее, она поняла, что значит иметь свой собственный дом. Забота о доме делает ежедневный поиск пищи осмысленным. Иметь свой дом – равносильно откладыванию остатков пищи или возможности делиться с кем-то едой. Или временем, предназначенным для поиска пищи.

Если тело – врата души, то дом – притвор, на который душе разрешено выходить.

Она видела, как для большинства людей дом является основой биографии и выраженным результатом существования. А еще там отдыхает память, потому что с предметами ей легче всего управляться.

Ее очаровывала эта гуцульская особенность – самому выстроить свое жилище вдалеке от других. На чистом месте. Когда дом возведен, он становится мудрее всех пророков и вещунов – он всегда скажет, что тебе делать дальше.

13. Еще такое свойство красоты. Чтобы быть доступной, красота должна иметь возможность быть сформулированной словами. А потому – быть раздробленной. Дом дает то небольшое пространство, в котором можно успеть сделать красоту собственными силами.

Изначальными условиями красоты жилья Анна считала пространство, свет, сквозняки, переходы между разделением пространства. Поэтому спроектировала несколько домов по принципу гуцульского дома-гражды⁴. Отдельные комнаты и помещения жилища выходили прямо в квадратный двор, замкнутый со всех сторон именно этими комнатами.

14. Истоком всей красоты, которая доступна людским рукам, всей эстетики являются, безусловно, растения (впрочем – пищи тоже, тут идеальное и материальное едино как никогда). С другой стороны – мало что другое является таким совершенным воплощением этики, как уход за растениями. Не говоря уже о том, что созерцание сезонных изменений – самый простой выход в частную философию. Поэтому сербский лесовод Лукач засадил двор привезенными из Македонии цветущими кустами: барбарисом, камелиями, вереском, кизилом, волчьими ягодами, форзициями, гортензиями, жасмином, магнолиями, рододендронами, клематисами.

15. Сам же город Анна распорядилась огородить прозрачными зигзагообразными гуцульскими ограждениями из длинных смерековых жердей. Вход в город был оборудован настоящими воротами-разлогами с открывающимися створками.

Особой необходимости в этом не было, но Анна хотела оживить больше слов, необходимых тогда, когда такие ограждения существуют: гары, заворынье, гужва, быльца, кечка, спыж.

⁴ Гражда – комплекс жилого дома и хозяйственных построек, образующих замкнутый и обычно прямоугольный дворик. Такой тип застройки характерен для Гуцульщины.

Ситуации в колорите

1. Главным обитателем Яливца был, конечно, сам яливец, то есть можжевельник. Франц распланировал постройку города так, чтобы не уничтожить ни одного куста по всем трем сторонам склона. Поскольку дерева было мало, большинство домов строили из серых плит каменных выступов, которые в некоторых местах называются горганами. Поэтому основными цветами города были зеленый и серый – его было значительно меньше, чем на гуцульской керамике. Но если серый был везде одинаковым, то зелень имела множество оттенков. Даже немного иначе – нехорошо было бы говорить зеленый. Лучше – зеленые. Зеленых было действительно так много, что все казалось неправдоподобно цветным. Даже не учитывая тысяч действительно радикально других точек бордовых, красных, розовых, фиолетовых, синих, голубых, желтых, оранжевых, белых, еще раз зеленых, коричневых и почти черных цветов. По этим краскам маленькая Анна изучала цвета (Франц часто думал о том времени как о чем-то наилучшем. Названия цветов стали для него очевидным воплощением идеи сотворения мира и согласия). Если жить сосредоточенно, то цветоводство в таком городе не требуется. Так и было.

Еще надо себе представить сплошные полосы близких, дальних и далеких гор, которые были видны с каждой точки Яливца.

Еще – небеса, облака, ветры, солнца, луны, снега и дожди.

2. Вокруг этого каменного поселения росло так много можжевельника, что запах его нагретых, размоченных, надломленных, раздавленных ягод, веточек и корней даже перерастал во вкус.

3. Трудно понять, когда Себастьян успел так наговориться с Францем, что помнил столько отдельных Францисковых фраз. У них был всего год и девять месяцев. Но большинство из сказанного Франциском сохранилось именно благодаря Себастьяну.

Именно от него Непростые записали те самые известные фразы, которые затем были воспроизведены на различных предметах гигантского обеденного сервиза фарфоровой фабрики в Пацикове. Вторая Анна как-то даже шутила, что все эти проповеди выдумал сам Себастьян, а выражение «Франц говорил» – это у Себастьяна слова-паразиты. Так же как и «курва», «пожалуй», «на самом деле» и «просто».

4. В любом случае, по словам Себастьяна, Франц говорил, что жизнь зависит от того, против чего движешься. Но против чего движешься, все равно зависит от того, куда ходишь. То есть изменить это достаточно просто. Труднее с другими определяющими стихиями – что пьешь и чем дышишь.

В Яливце все дышали эфирными смолами яливца и пили яливцовку, в которую яливец попадал трижды. Поскольку вода, в которой бродили сладкие ягоды, сама сначала годами лилась с неба на землю, обмывая это растение, натираясь им и запоминая его, а потом еще и нагревалась на огне из можжевелевых поленьев.

5. Яливцовку варили в каждом дворе. Свежие побеги вываривались в котлах со спиртом, что был выгнан из можжевелевых ягод. На камнях собирались пары, которые охлаждались и капали густым джином. Бывало такое, что над крышами зависали тяжелые джиновые тучи. Поэтому когда погода менялась к морозу, алкоголь прорывался с неба. На земле, уже предвзрительно охлажденной, он замерзал, и улицы покрывались тонким льдом. Если полизать этот лед, то можно было опьянеть. В такие дни ходить по улицам надо было скользья. Хотя на самом

деле нога не успевает поскользнуться, если идти довольно быстро – чтобы подошва как можно меньше терлась об лед.

6. Самая первая Анна появилась в Яливце уже тогда, когда город становился известным курортом. Незадолго до этого она сильно расшиблась, падая со скалы, хотя была привязана альпшнуром и долгое время ничего не ела. Все же очень испугалась. На следующий день она все равно пошла в горы и попыталась лазать. Однако ничего не получилось. Впервые тело отказывалось быть продолжением камня. Что-то там оказалось сильнее. Она приехала в Яливец, пила джин, собиралась тренироваться, но пила джин. Даже подойти к скалам не решалась. И вскоре познакомилась с Франциском. Он делал анимационные фильмы, ради которых в Яливец приезжало уже не меньше туристов, чем ради джина.

7. Анна чувствовала себя лишайником, оторванным от голого берега холодного моря. Должна была только продержаться, чтобы удержаться. Иначе было бы никак. Ей очень хотелось не быть злой. Боже! Не дай мне кого-нибудь обидеть – молилась она ежеминутно.

Впервые они с Францем заночевали в баре, куда случайно забрели под вечер и не смогли не остаться до утра. Бармен был настолько не похож на бармена, что они довольно долго ждали кого-то, к кому можно было бы обратиться. Там они делали друг другу джиновый массаж, получили три джиновых ингаляции, поджигали джин-первак на ладонях и на животе, пили разлитый по столу и из уст в уста. Анна еще не представляла себе Франца в каком-либо другом месте.

8. Ночью лежали рядом на сдвинутых стульях и понимали, что по соотношению костей и мякоти они брат и сестра. Или муж и жена. Даже если больше такого не будет, думал Франциск, все равно приятно прикасаться. А она думала о различных пустяках и странностях, которые случаются или могут случиться в любой момент.

Пока они спали, притирая кости к мякоти, и кости к костям, и мякоть к мякоти, их черепа непрерывно соприкасались какими-то неровностями. Они поворачивались, прижимались, крутились и отодвигались, а черепа не разъединялись ни на секунду. Иногда черепа громыхали, цепляясь особенно выразительными буграми и впадинами, и они часто пробуждались, пугаясь непомерной близости, которая обеспечивалась их же головами. Больше никогда Франциск и Анна не переживали такого совместного прояснения и прозрения.

Начало светать. Главная улица городка проходила мимо закрытых баров, темных дворов, заросших виноградом, который никогда не созревал, мимо низких каменных оград, высоких ворот – и шла к подножию тысяча-шестьсот-девяносто-пятиметровой горы, постепенно переходя в еле заметную тропинку, которая в такое время дня светилась белым.

9. Беременность Анны была периодом сплошного счастья. Тем, что можно по-настоящему назвать совместной жизнью, семьей.

Вечера они начинали заранее. Ходили в теплых осенних пальто самыми дальними закоулками среди еще не заселенных вилл. Притворялись, что это не их город. Ее руку он держал в своем кармане. Они шли, одновременно делая шаг той ногой, к которой так крепко была прижата нога другого, что ощущались волны мышечных сокращений, а бедренные суставы смешно терлись. Ей очень нравилось, что все так просто. Что любит тот, кого любит она. Она впервые ощущала радость, когда утром не надо было уходить. Она рассказывала ему что-то из того, что было, когда его еще не было, и очень любила, когда он рассказывал о том, какой он ее знает. Утром они долго завтракали на балконе медом, кислым молоком, намоченными в вине сухими грушами, размоченными в молоке поджаренными сухарями, разными орехами.

10. На столике возле ванны стояла старая пишущая машинка с незыблемой чугунной подставкой, и то, что не смели сказать друг другу, они писали на длинном листе лучшей бумаги, заправленной в «ремингтон». Плохо мне с людьми, о которых не знаешь, – писала Анна, – хорошо ли им теперь, хорошо ли им со мной, хорошо ли ему здесь. Плохо и тяжело с теми, кто не говорит, что им нравится, а что – нет. Франциск печатал что-то совсем другое: еще не делая никакого зла, плохие люди делают нам плохо – мы должны считаться с их существованием. Добрые люди перестают быть добрыми, когда начинают жалеть, что отдавать жалко, – зачем-то написала Анна. А Франц: смысл и наслаждение существуют только в деталях, надо знать эти детали, чтобы суметь их повторять.

Уже после смерти Франца Себастьян нашел эту машинку. Бумага все еще была в ней. Затем он часто представлял себе настоящие диалоги живых людей, выстроенные из подобных предложений.

11. Франц пытался отучить Анну от страха. Заводил ее на скалы с той стороны, куда можно было выйти через заросли горной сосны, сзади. А там брал на руки и держал над пропастью. Судьба не самое важное, – говорил Франциск. – Главное – ничего не бойся. Но что-то в его методе было ошибочным.

Он изучил ее тело лучше, чем она. Мог взять ее руку и прикоснуться ею же к Анне так, как она сама никогда не делала и не сумела бы. Он поступал с ней так, что щекотались поджилки, сосуды, вены. Очень долго показывал ей ее же красоту. Благодаря всему этому Анна начала понимать, какая она красивая. Красивая не для кого-то, а для себя. И ей становилось еще страшнее от мысли, что все это может разрушиться, ударяясь о камни.

Я люблю свою жизнь, – просила она Франца. Это хорошо, настаивал он, потому что кроме этого нет ничего другого, не любить – значит, отречься от всего.

12. Все же она еще раз попробовала. Когда Франц заткнул ей уши. Поскольку вдруг заподозрил, что Анна боится не высоты, а звучания тишины, которое сопровождает высоту.

Подстрахованная всеми возможными способами, с заложенными ушами, беременная Анна лезла по каменной стене, стесняясь того, что не могла прислоняться животом.

Франциск решил ползти рядом. Он обрисовывал на скале все контуры прижатого живота. Вниз они так поспешно съезжали по канату, что обожгли себе ладони. Почему-то часто из-за таких незначительных ожогов невозможно заснуть. На следующее утро подвижные дагерротипы силуэтов перемещения зародыша по скале были уже готовы. Фильм вышел хорошим. Несмотря на то что короткий.

13. Франциск не считался со временем. Все его фильмы продолжались несколько минут. Он придумывал анимацию, которой еще не могло быть. Получал удовольствие от создания заполненных минут, которых могло бы не быть. Если бы не. Если бы не заметил чего-то, если бы не придумал приема, если бы не приладил, если бы не выделил – если бы много чего не.

Жизнь настолько коротка, – говорил Франциск, – что время не имеет никакого значения. Так или иначе, она происходит полностью.

Франц мечтал о чем-то радикальном. И додумался до того, что самое радикальное – ждать.

14. После рождения дочери Анна решила снова тренироваться. Она пробовала закладывать уши, но что-то снова нарушилось. Внутреннему уху не хватало вибрации, без которой тяжело определить границы своего тела.

Она вспомнила сад своего отца и укололась морфием. Вибрация появилась сразу же.

Но странно начали вести себя звуки. Они как бы потеряли зависимость от расстояния. Звуки летали с большой скоростью плотно смотанными клубками, не рассеиваясь в воздухе. Иногда такой шар сталкивался с другими, меняя совершенно неожиданно направление полета. От некоторых ударов с обоих клубков отбивались звуковые крошки и пыль. Они летали независимо. Перемешиваясь, отрываясь, улетающая вверх, опускающаяся или забиваясь в землю. Уже на высоте четырех своих ростов Анна оказалась в непрозрачных облаках какофонии. Когда поднялась выше, то невыносимо было слышать грохот, с которым мельчайшие песчинки из-под ее пальцев падали на дно пропасти.

15. Больше Анна в скалы не лазила. Но морфий употреблять не перестала. Целыми днями сидела на веранде и вслушивалась в жизнь различных насекомых, обитавших вокруг дома. Не слыша даже, как плачет голодная Стефания.

Напрасно Франц пытался что-то изменить. Самое большее, что ему удавалось, – это выцедить из груди Анны немного молока и покормить им дочь. Но опиум тоже полюбил молоко. Он успевал выпить его первым, и Франц бессмысленно мял высохшие груди. Франциск пошел к ведьме, которая воровала молоко у коров, и попросил, чтобы та отбирала молоко у Анны. Малышка стала наедаться. Но вместе с молоком она потребляла опиум. Франц думал, что девочка спит целыми днями от сытости. В конце концов, так было спокойнее. Но когда у Анны молоко иссякло окончательно и даже ведьма не отцедила ни капли, Стефания пережила настоящий морфиевый абстинентный синдром. Непростые еле спасли ее, отварив в молоке мак.

То же начала делать и Анна. Малышка спала, ей снились чудесные сны (некоторые из них, – а девочке к тому времени только исполнилось полгода – она помнила всю жизнь; хотя, может быть, помнила ощущения, что такие сны были, а остальное появилось позже), и Анна спокойно слушала, как черви раздвигают землю, как кричат, предаваясь любви в натянутых кружевах, пауки, как трещит грудная клетка жука, стиснутая клювом трясогузки.

16. В середине декабря Франц посадил Анну на колени и сказал, чтобы она убиралась из Яливца. Анна встала, поцеловала Франца и пошла в комнату собирать ребенка. Тогда он предложил другое – вызвал женщину на дуэль. Поскольку маленькому ребенку для дальнейшей жизни нужно было, чтобы кто-то из этих родителей был мертв.

Анна согласилась и выбрала оружие – сейчас они пойдут на заснеженные обветренные скалы и станут карабкаться двумя немаркированными маршрутами без всякой страховки вверх. Тот, кто вернется, останется с девочкой. Несмотря на все страхи, она была уверена, что лишь таким образом победит Франциска. Они совсем не подумали, что могут не вернуться оба, и ничего никому не сказали, оставляя девочку в колыбели.

Едва добрели по снегу до скал. Сняли кожухи, выпили по полбутылки джина, поцеловались и пошли.

17. Франциск впервые должен был стать настоящим альпинистом (разве впервые мне впервые, – подумал он). Поэтому спускался с вершины несколько часов; оказалось, что затвердевший снег даже помог ему – на голом камне он бы не удержался. Ему было очень стыдно, но похоронить Анну он смог лишь в июне, когда снег в ущелье растаял.

Вторая старая фотография – Арджелюджа, 1892

1. Обнаженная женская спина заканчивается широким чересом – кожаным поясом, ниже череса – только полоска черной ткани. На сильно наклоненной вперед шее тонкая черточка грубого ожерелья. Головы уже не видно. Руки опущены вниз, но согнуты в локтях. Торс немного наклонен влево, поэтому видно только четыре пальца, которыми правая рука держится за предплечье левой. Спина выглядит почти треугольной – такие широкие плечи и узкая талия. Выразительные лопатки и верхушки ключиц. Ниже шеи выпирают четыре бугорка позвонков. Там, где они заканчиваются, начинаются две выпуклые мышцы вдоль середины спины. Ближе к талии расстояние между ними минимальное, а глубина впадины – самая большая. Клавиатура ребер просвечивает только слева, и то – скорее уже не на самой спине, а на боку. Но там, где грудная клетка заканчивается, начинается вогнутый залив талии, линия, которая снова выходит на прежний уровень в начале таза.

Учитывая контраст белой кожи спины и черного череса, нетрудно убедиться, что солнечное освещение максимальное. Хотя едва заметная тень образовалась только между мышцами на позвоночнике.

2. Спина снята с близкого расстояния. Справа от нее виден в глубине кадра маленький конь – он стоит значительно дальше от камеры. Конек-гуцулик довольно старый – лучшего тогда не осталось после государственной мобилизации лошадей в Боснию, – но очень осторожный. Вместо седла – узкое длинное покрывало.

3. В свое первое лето Франц с Анной ходили на Кострыч осмотреть панораму Черногоры. День был солнечный, и они видели весь горный хребет – Петрос, Говерлу, Брескул, Пожижевскую, Данциш, Гомул, Туркул, Шпицы, Ребра, Томнатик, Бребенескул, Менчул, Смотрич, Стайки, немного Свидовца – Близницы и Татульскую, далее – Браткивскую, Довбушанку, Явирник. Сзади были Ротыла, Белая Лошадь и Лысина Космацкая.

На обратном пути, за Арджелюджей, Анна сняла рубашку и постолы, осталась в одних мужских гачах. Шли вверх против течения Прута. Время от времени спускались к реке попить воды. Река была такой маленькой, что Анна упиралась руками прямо в дно и так наклонялась к воде, погружаясь в нее лицом. Соски, хоть и приближались к беспокойной глади, но оставались сухими. Только тяжелый латунный крест с примитивным намеком на распятие постукивал о камни. В такие моменты Франц сажал Анне на спину зозулку – божью коровку, – жучок обегал капельки пота, щекотал кожу, а Анна даже не могла пошевелить рукой.

После купания они целовались до тех пор, пока губы полностью не высохали. Потому что все мокрое высыхает. Кожа пахла холодными водорослями в теплых реках между теплыми камнями под теплыми ветрами из-за заснеженной Говерлы. Если бы им удалось запомнить это телесное ощущение так, чтобы в любое время суметь его точно припомнить, то чувство счастья было бы постоянным.

Тогда они еще много и охотно говорили. Франц думал – как меняется все, на что стоит смотреть, когда это можно кому-нибудь показать.

Конек нес только грушевый ящик с фотоаппаратом и яворовый бочонок, наполненный яливцовкою, и ни разу не зашел в воду напиться.

4. Когда Франциск в декабре 1893 возвратился со скал один, то перед кормлением ребенка случайно наткнулся в поисках алкоголя на тот самый бочонок. Яливцовки оставалось около половины литра, и он разом выпил недопитое вдвоем. Затем достал засунутую среди

ларуссов фотографию, вставил ее между двумя прямоугольниками стекла, выкинув какой-то рисунок, и навсегда поставил на свое рабочее место.

5. Растолок в ступке горсть сушеных черничных ягод, залил их теплой водой с медом и принялся кормить Стефанию. А утром пошел к священнику и попросил записать дочь в церковных книгах Анной.

Себастьян решил, что будет правильно положить фотографию Францу в гроб (он не смог понять, что в мире уже есть кто-то, кому ее потом всегда будет не хватать). Так что она, очевидно, не сохранилась.

Искушения святого Антония

1. Маленькой Анне Непростые подарили миниатюрную фигурку святого Антония. Антоний в полный рост, в монашеской сутане, в одной руке держит лилии на длинном стебле, на второй – ребенка. Несмотря на размер, Антоний выглядел, как настоящая статуя, когда Анна ложилась головой на пол, а фигурку ставила чуть дальше, или – опять же с пола – Антоний стоял на самом краю стола. Особенно поражали его безупречно переданные черты лица.

Непростые говорили, что Антоний вылеплен из расплавленного свинца, который до того был пулей. Фигурка жила в металлическом цилиндре, в каких солдаты держат записочки со своим именем и адресом семьи. Анна носила этот патрон на длинноватой проволочной цепочке на шее. От постоянного трения меди с кожи никогда не сходили зеленые пятна. Франциск считал, что это не вредит. Когда была особенно хорошая погода, Анна выводила Антония на прогулку. Она извлекала его из капсулы и проветривала где-нибудь в траве. Когда же закрывала снова, то вкладывала внутрь еще и небольшой цветок: фиалку, маргаритку, лепестки сливы или липовый цвет, чтобы Антонию было что вдыхать.

2. Она сама очень хорошо пахла. Больше всего Франц любил, когда Анна засыпала у него на столе. Он еще немного работал, больше поглядывая на спящую спеленутую дочь, а потом залезал на стол, клал под голову книгу, обнимал Анну и долго дышал выдыхаемым ею воздухом. Он гладил ее головушку, и иногда утром Анна просыпалась с густыми тонкими и короткими царапинами на личике – местами огрубевшая кожа на Францисковых пальцах царапала ее тельце.

3. Франциск был убежден, что не может быть полезнее занятия, чем созерцание дочери. Ежедневно он видел тысячи безупречных кадров, но почему-то не решался использовать камеру. Поэтому запоминал их с таким усилием, что иногда ловил себя на мысли – так дальше жить нельзя. И часто бывало так, что вечером он не мог вспомнить, что еще было в сегодняшнем дне, кроме этих воображаемых фотографий (но когда Анна подросла, он часами мог ей рассказывать, какой она была в любой день детства).

4. Анне было шесть лет, когда она рассказала папе о том, что помнит, как спала когда-то в большом сундуке, поставленном на длинной телеге с восемью колесами, под деревом, с которого свисало гнездо с отверстием снизу. Отверстие было открыто, и из гнезда вглядывался в нее гранатовый глаз какой-то птицы. Потом отовсюду слетелись тучи белых маленьких сов, которые расселись вокруг того дерева концентрическими кругами на земле, стогах сена, кустах шиповника, колодце и обороге⁵. А еще – на проводах, натянутых от столба к столбу.

5. Франциск решил, что такие видения являются последствием морфинизма, и позвал Непростых. Те немного поговорили с Анной, и наконец провидица сказала, что девочке все приснилось. Она предупредила Франца, что малышка теперь все чаще будет рассказывать всевозможные диковинки, будет выпрашивать, было ли с ней когда-нибудь то или другое. Что в некоторых случаях она до смерти будет сомневаться – что происходило, а что снилось, потому что для нее не будет настоящего и вымышленного – лишь разные образы настоящего. Но сны не имеют ничего общего с вещунством. Они рассказывают, как может быть.

⁵ *Оборог* – сооружение для хранения сена, состоящее из четырех столбов с подъемной крышкой.

6. Франц решил, что дочь хоть что-то на свете должна знать в совершенстве и без сомнений. Они стали ходить за Менчил Квасивский до Кевелова, который стекал в Черную Тису, и Анна изучала все камни на его берегу – как какой выглядит и возле какого лежит.

А тем временем Непростые все вместе притащились горами к Яливцу и пробыли в городе с перерывами вплоть до 1951 года, когда специальный отдел чекистов, переодетых воинами УПА, сжег огнеметами дом для умалишенных, где выслеженных и отловленных Непростых заперли в 1947. Им надо было приблизиться к Анне.

7. За несколько лет перед 1900 годом Франц закончил очень важный анимационный фильм.

Жить – это развязывать и завязывать узлы руками и всем остальным, – учил его когда-то Непростый-гадер и дал целую связку шкурок ужей. Франциск должен был отделить шкурку от шкурки, сплести свое плетение. Логика живет в пальцах, ее категории предусматривают лишь то, что удастся пальцам. Как четками, вращал он клубком днями и ночами. Наконец, развязал все узлы, но когда пришлось связывать по-своему, то оказалось, что его пальцам очень трудно идти вслед за уже существующей основой. Зато Анна напутала таких узлов, что тот самый гадер привел Франца на мост, где поселились Непростые.

8. Когда-то этот виадук хотели перебросить от одного к другому выступу хребта, между которыми разместился Яливец. Сначала построить середину, а потом достроить в обе стороны до верхов. Франциск представлял себе, что когда-то такой путь превратит всю дорогу от Шешула к Петросу на прогулочную аллею. Однако этот проект оказался единственной невоплощенной идеей Яливца. Три объединенные между собой, но не соединенные с твердью арки – гораздо выше железнодорожных мостов в Ворохте и Делятине – нависали над городом по диагонали, начинаясь и обрываясь в чистом небе. Наверху остался фрагмент широкой дороги. Там обосновались Непростые.

Франц очень долго лез на мост по висящей лестнице, которая еще больше раскачивалась из-за того, что гадер лез впереди. Наверху казалось, что мост узковат, что достаточно пошатнуться, и полетишь вниз: на маленькие крыши, короткие улочки, узкие каналы, пену деревьев. Но вокруг лежала такая красота, как в чьей-то другой жизни. Все было выбеленным, других цветов не существовало даже на далеком солнце.

Заснеженные Непростые курили трубки-файки и смотрели на Фархауль в Марамароских Альпах за долиной Белой Тисы. Разговор был простым – когда Анна станет женщиной, то пусть будет Непростой. А пока они всегда будут поблизости.

9. Итак, фильм, который закончил Франц, напоминал ожерелье из узелков.

Выглядело это так. Всем полем экрана беспорядочно суетилось множество отдельных мелких значков. Все это были те элементарные символы, которые Франциску удалось отыскать в орнаментах писанок со всех уголков Карпат. Из-за разницы размера, конфигурации, цвета и скорости тьма знаков напоминала неправдоподобную мешанину различных насекомых. Узнаваемы были лестницы, клинышки, полуклинышки, триклинышки, сорок клиньев, желтоклинышки, зубцы, окантовка, краткая, бесконечная, полубесконечная, локоны, крестики, дряшпанка, кривульки, звездочки, звезды, солнце греет, полусолнца, месяцы, полумесяцы, штерна, луна светит, лунные улочки, радуга, фасолька, розы, полурозы, желудь, цветочки, бархатцы, колоски, елочки, сосенки, огурчики, гвоздики, барвинок, ковсицы, овес, кукушкины башмачки, бечковая, сливы, барабульки, гильи, перекасти-поле, кузнечики, барашки, коровы, собаки, козлики, олени, петухи, утки, кукушки, журавли, белокрыльцы, пструги, вороньи лапки, бараньи рога, заячьи ушки, воловий глаз, бабочки, пчелы, улитки, пауки, головкате, мотовило, грабли, щеточки, гребни, топорыки, лопатки, лодочки, кувшины, решетки, ящички,

попружечки, цепочки, бесаги, ключи, пацёрочки, беривочки, кожушки, порошницы, зонтики, образки, платочки, шнурки, миски, хатки, окошечки, столбы, корытце, церковки, монастыри, колокольчики, часовенки, крученые рукава, писанные рукава, косой пасок, иголки, клювовидная, крестовая, зубастенькая, плетенка, чиноватая, княгинька, ключковая, кривульки, точки, рваная, крылатая, очкастая, пауковая, чичковая, глуковая, лумеровая, фляжечка, тайна, черешневая, малиновая, вазончик, росток, стрекозки, ветряки, салазки, крючки, медовики.

Постепенно движение знаков приобретало определенную упорядоченность – как один очень сильный ветер пережимает много легоньких. Символы крутились как-то так, будто полная ванна воды вытекает через небольшое отверстие. А оттуда уже выходит цепочка значков, завязанная кое-где узлами. Цепочка сворачивалась в спираль и кружилась. Из хаоса к ней слетались свободные символы и укладывали рядом цепь с такой же последовательностью знаков, всякий раз больше добавляясь к вращению первой. Теперь обе спирали ввинчивались в пустоту вместе, сходились все плотнее и превращались во вселенское дерево. Наступал покой. На дереве распускались цветы, лепестки увядали, из завязей вырастали плоды, надувались, лопались, трескались, и тысячи тех самых знаков медленно и ровно опускались на землю, укладываясь в холм, теряя свою первоначальную форму.

10. С премьерой подождали до Пасхи 1900 года. Ею открывали синематограф *Yuniperus*, построенный по эскизу Анны, зачитав предварительно архипастырское послание молодого станиславского епископа Андрея Шептицкого к любимым братьям-гуцулам.

11. С того времени Непростые действительно всегда были рядом. Это только так кажется, что Черногора – пустошь. На самом деле в Карпатах места даже мало. Поэтому люди, живущие далеко друг от друга, постоянно встречаются. Что уж говорить о маленьком городке на пересечении хребтов.

За несколько Довбушевых золотых Непростые выкупили кусок рынка и построили маленький домик. Стены снаружи обложили странно разрисованными изразцами, и домик стал вполне похожим на печь. На всех окнах написали одно слово – нотариус. Но на подоконниках стояли ряды разновеликих и разной формы бутылок, так что можно было предположить, что «НОТАРИУС» – название еще одного бара. Лукач сделал как-то так, что через неделю вся крыша заросла плющом и над дверью свисала зеленая завеса. Внутри было пусто – напротив маленького столика (с одним ящиком) на очень высоких ногах стояло удобное кресло, обитое парусиной.

В кресле сидел сам нотариус, курил одну за другой большие сигареты, вставленные в серебряное кольцо, припаянное к оловянному стержню, который опускался с потолка. Каждая сигарета была не длиннее половины средней женской ладони. Нотариус занимался тем, что скручивал следующую сигаретку, курия предыдущую.

Еще в юности он решил как-то самостоятельно распорядиться собственной смертью, а не полностью полагаться на неизвестность. Поэтому захотел установить если не срок, то хотя бы причину смерти. Остановился на раке легких и начал не ограничивать себя в курении, чтобы быть приговоренным к такой смерти.

12. Но стоило кому-то прийти, как нотариус вынимал сигарету из кольца, сажал посетителя в свое кресло, выдвигал ящик, вынимал два красных или желтых сладких перца – всегда свежих и сочных, одной рукой раскладывал большой кривой нож, болтающийся на ремешке в районе колен, вычищал перцы, положив на ладонь, спрашивал, что налить – паленку, ракию, сливовицу, бехеровку, цуйку, зубровку, анисовку, яливцивку, боровичку, наливал полные перцы, подавал один гостю, становился за столиком, вынимал из ящика лист бумаги, заост-

ренный карандаш, поднимал рюмочку, говорил «дай Бог», глядя в глаза, выпивал, откусывал кусочек перца, сразу же наливал по второй, прикуривал сигарету (спички носил в кармане брюк у самого пояса, а сера была приклеена к одной из ножек стола), брал ее в ту же руку, что и кубок, а в левую – карандаш, сильно затягивался дымом и уже был готов слушать.

13. Нотаря⁶ называли французским инженером.

Непростые нашли его в Рахове и предложили именно эту работу, потому что он выглядел скромно и героически одновременно. Такого хочется удивить, поведав что-то чрезвычайное из собственной жизни. А Непростым требовалось как можно больше таких историй и баек.

В Рахове французский инженер агитировал людей ехать в Бразилию, выписывая настоящие билеты на корабль из Генуи.

Когда-то он действительно был французским инженером. Прожил двадцать лет в Индокитае, занимаясь дренажными системами, изучая курение опиума, тайский бокс, бабочек, орхидеи и дзен. А одновременно сочинял этнологические и геополитические фельетоны для крупных европейских газет. Несколько его писем перевел Осип Шпитко. Их опубликовали в «Деле», акцентируя внимание на том, что автор – из рода Орликов.

Непростые ходили в Криворивню и посоветовали Грушевскому препроводить инженера во Львов. Через Маньчжурию, Туркестан, Персию, Грузию, Одессу, Черновцы, Станислав, Галич, Рогатин и Винники он наконец доехал и получил работу в этнографической комиссии НТШ⁷. Получил командировочные, предназначавшиеся Шухевичу, и выехал на Гуцульщину. Но опыт нескольких малых войн, в которые он попадал в течение жизни, не позволял изменять себе как фольклористу. Французский инженер сделал крюк в Будапешт и раздобыл все необходимые бумаги, дающие право завербовывать иммигрантов на территории Австро-Венгрии.

14. В Яливец французский инженер одевался одинаково каждый день с 1900 по 1921 год. Широкоплечный белый фланелевый костюм, сшитый без единой пуговицы, полосатые бело-салатные рубашки, распахнутые на груди, пробковые сандалии. Только зимой он заворачивался в покрывало, набрасывая его на голову как капюшон. Даже после 1914 он сидел в своем кабинете, выслушивая и конспектируя все, что приходили рассказывать разные люди. Рассказчики получали изрядный гонорар, а записи с историями и грезами, прозрениями и безумными идеями анализировались Непростыми.

Это французский инженер научил Себастьяна, что самосознание находится в подошвах, а самовосприятие можно менять, становясь иначе или наступая на что-то.

15. Идею целого направления новых фильмов Франциску подбросил французский инженер.

В Яливец действовала небольшая галерея. Ее владелец, Лоци из Берегсасу, был на короткой ноге с хорошими художниками – Мункачи, Устияновичем, Копыстинским. Романчука он привел к Федьковичу, а Водзицкий (значительно позже, уже когда возвратился из Парижа от Сулоаги) сделал несколько фотоэскизов для «Девочки за изготовлением писанок». С Иваном Трушем они были близкими друзьями. Лоци много рассказывал ему о том, как растения заново завладевают ландшафтами, изуродованными и брошенными людьми. Даже водил его на этюды под Попа Ивана, на просеку. Спустя много лет Труш вернулся к этой теме в изумительной серии «Жизнь пней». Впрочем, это Лоци впервые показал кому-то Дземброню, которая впоследствии стала излюбленным местом многих художников львовской школы. А Дидушинским для музея он регулярно отправлял найденные гуцульские раритеты.

⁶ Нотарь – нотариус.

⁷ НТШ – Научное общество имени Тараса Шевченко.

16. Сам Лоци всю жизнь рисовал одно и то же – деревянные стойла – для каждой коровы отдельные – в долине Шеса, дощатые улочки между ними и гигантские заросли щавеля, постепенно поедавшие свое пристанище.

А поскольку был галерейщиком-профессионалом, то никогда не выставлял своих работ. Зато в чужие часто влюблялся. Картины-любовницы он на некоторое время брал домой и жил в их присутствии, переносил с собой из спальни в кухню, из кухни в кабинет, из кабинета на галерею, из галереи в ванную.

И сама жизнь Лоци в значительной степени зависела от картины, которая тогда жила у него.

17. В галерее многое делалось необычно. Ежедневно Лоци перевешивал картины, полностью меняя их диалоги. Часто покупатели, выбрав какую-то картину в один день, не могли узнать ее на следующее утро. Потолком галереи служил стеклянный резервуар с дождевой водой. Освещение зала Лоци менял, накрывая ту или иную часть резервуара смерековыми ветвями. Но самое важное – картины можно было брать напрокат, как книги в библиотеке. Заказы самого дорогого отеля Лоци комплектовал сам, согласно запросу и текущим возможностям.

18. Лоци был единственным в Яливце, у кого созревала сортовой виноград. Виноградник шел вдоль тропы между домом и галереей. Проходя по тропинке, Лоци обязательно срывал хотя бы одну гроздь винограда. Так продолжалось с момента, когда появлялась завязь, до окончательного созревания. В сентябре кистей оставалось всего несколько, зато они становились зрелыми, как в Токае, полностью используя виноградные силы, которых уже не требовали уничтоженные грозди.

Хотя Франциск дружил с галерейщиком, даже он не догадывался, что Лоци работает на Непростых.

19. Однажды французский инженер пересказал Францу, что слышал от Лоци.

Тот рассказал, как в галерею пришел один помещик из Тересвы и попросил нарисовать ему картину, на которой было бы видно, что происходит слева за рамой в сцене битвы под Хотинском, которую он приобрел здесь год тому назад. Помещик подозревал, что оттуда может ударить пушка просто по арьергарду уланов, и это не давало ему покоя.

Это как раз то, чем анимация лучше живописи, сказал французский инженер.

20. Франциск придумал более точную методику. Он снимал значительно увеличенную репродукцию какой-то известной картины – что становилось второй частью каждого фильма. Для первой и третьей он дорисовывал кадры на пятнадцать секунд перед изображенным на картине, и на столько же – после. Для пробы служил свежий пейзаж Труша «Днепр под Киевом», хотя думал Франц преимущественно о Рембрандтовом «Ночном дозоре». Затем он оживил несколько натюрмортов старых голландцев (хотя тут же уничтожил все, кроме работы Яна ван де Велде – той, где колода карт, трубка на длинном чубуке и лесные орехи) и знаменитую «Драку» Адриана ван Остаде (какая-то корчма, пьяные крестьяне, бабы держат двух мужиков с безумными взглядами, которые размахивают ножами, все перевернуто вверх дном, кто-то убегает, а остальные попадали на землю).

После того взялся за Мамаев.

Живая живопись имела такой сумасшедший успех, что на каждую премьеру в Яливец съезжались десятки зрителей со всей Центральной Европы, о них писали столичные журналы, а Франц уже не успевал делать серьезные фильмы.

21. Еще перед тем, как Непростые обнаружили необычайные особенности снов Анны, Франциск мечтал о фильме, в котором все происходило бы на сонном ландшафте.

Он заметил, что механизм снов заключается не в чем ином, как в сочетании хорошо известного по принципам неизвестной логики – так, как не могло бы быть на одном ландшафте. Это означает, что ключом к данной логике является сочетание ландшафтов. Причем последовательность сочетания является определяющей. Если скомбинировать такой ландшафт, то заселится он самовольно. А тогда уже и все персонажи проявят не свойственные им черты. И – что самое главное – персонажи будут занимать пространство очень плотно. Безответственная последовательность плотная.

22. А еще, – размышлял Франц, – удачные сны похожи на хорошую прозу со сравнениями, почерпнутыми из различных систем координат, избранными выделениями некоторых деталей в потоке панорамы, прозрачной вседозволенностью, незабываемым ощущением присутствия, одновременностью всех тропизмов, стремительностью неожиданного и бережливой риторикой сдерживания. И на хорошую траву, которая не приносит ничего своего, но обрывает то, что держит, и переводит решетку пропорций времени и расстояния из кристаллического состояния в газообразное.

23. Однако решиться на такой фильм было труднее, чем на «Ночной дозор». Поэтому со временем он даже перестал беречь сны на потом, лишь наслаждаясь ими полностью по ночам.

24. В июле 1904 года Анна рассказала один сон.

Я стою на ровной крыше двухэтажного длинного дома. Дом стоит в воде. Вода доходит до верха первого этажа. До конца его высоких арок. В воде плавают три головы, и стоит цапля. Одна голова заплывает под арку. Другая хочет выплыть оттуда. По лестнице из окна второго этажа идет к воде голый пузатый мужчина. Сухая рука из-за угла пытается его остановить. Я тоже голая. Стою на краю. Руки подняты вверх. Сложенные вместе. Я собираюсь прыгнуть с высоты в воду. Сразу за мной стоит круглый стол. А за ним – бочка с кувшином. За столом сидят монах и монашка и что-то пьют. Над столом, бочкой и монахами натянута на сухой ветке тент. Сбоку к дому пристроено полушарие купола с часовенкой наверху. Из трубы часовенки вырывается пламя, а из окна выглядывает старуха. Она смотрит на меня. Далеко за куполом – широкая река, зеленый лес и высокие синие горы, как наши. С другой стороны дома пристроена круглая башня. На ее стенах нарисованы человечки. Человечки танцуют, скачут и кувыркаются. Один достает с неба какую-то книгу. Двое несут на плечах огромную малину на палке. Верх башни разрушенный и щербатый. Между обломками растут маленькие деревца и пасется коза. Вода перед домом заканчивается длинным островом. Остров голый, из красной глины. В конце острова стоит ветряная мельница. За островом снова вода. За той водой город. К самой воде подступают две башни. Между ними каменный мост. На мосту огромная толпа людей с поднятыми вверх с копьями. Некоторые стоят у перил и смотрят через воду и остров в мою сторону. На одной башне горят ветки. Под башнями плавают какие-то звери. Мужчина с мечом и щитом сражается с кем-то из них. Дальше за башнями пустое песчаное место.

Посередине стоит двухколесный воз. Еще дальше сам город. Дома с острыми крышами, высокий костел, стена. А вдали – высокие холмы или низкие зеленые безлесые горы. На самом горизонте – большой ветряк. Справа от меня, за водой и островом, стоят на берегу какие-то фигуры. Ко мне спинами. Некоторые сидят на лошадях и каких-то непонятных животных. Один в латах и шлеме, а у другого на голове пустой пень. Между ними растет сухое дерево. Половина дерева накрыта красной завесой. В огромной трещине в стволе стоит голая женщина.

На верхней ветке сидит дятел, но очень большой. Какой-то мужчина приставляет к дереву лестницу. Довольно далеко за ними сидит на камне бородатый человек в монашеской рясе с посохом в руке и рассматривает книгу. Он похож на моего святого Антония.

Через окошко в круглой башне, о которой я уже говорила, я вижу, что за башней происходит что-то важное. Но ничего не могу различить, и это очень угнетает. Но все равно очень хорошо, что я среди этого движения. На секунду смотрю через плечо и вижу далекий пожар. От него становится горячее коже спины и ногам сзади. Как-то становится понятно, что от этого надо убегать в воду. Уже собираюсь прыгнуть, но смотрю вниз и вижу натянутую колючую цепь. Не сомневаюсь, что могу перелететь через нее. Но продолжаю стоять. Руки уже слегка затекли, так как все время подняты. Вдруг на спину надвигается тень, и становится холоднее. Смотрю вверх. Как раз надо мной проплывает в воздухе парусник, обитый латами. Я вижу его дно. Это летучий корабль. Он пролетает. Тень исчезает. Снова начинает печь. Уже сильнее. Хочу сделать шаг. Но вижу человека с фотоаппаратом.

Он все время прятался в глухом углу между моим домом и пристроенной башней с нарисованными человечками и окошками. Я не хочу, чтобы меня фотографировали, и кричу на него. Мужчина отрицательно машет руками и показывает на летучий корабль. Во мне все соглашается, что это действительно интересно. Мужчина прячет фотоаппарат в стену. Идет мимо башни и исчезает за поворотом. Я становлюсь на носки. Раскачиваюсь и прыгаю. Вижу перед собой эту цепь. Поднимаюсь всем телом. Пробую ее перелететь. Но тело не сдвигается с места. Я не лечу и не падаю. Начинаю кашлять. Очень быстро лечу прямо на цепь. Ударяюсь о нее пальцами вытянутых рук. И на этом я проснулась.

25. Сон Анны показался Франциску настолько живописным, что он сразу же попытался зарисовать его. Она тут же поправляла рисунок. Когда дошло до людей на берегу около дерева и человека с книгой за ними, Францу показалось, что он уже где-то это видел нарисованным. Лишь точка обозрения была иной. Но стоило Анне разрисовать эскиз цветными карандашами, как Франциск узнал Босха. Без всяких сомнений – «Искушения святого Антония».

В Ларуссе Босх был презентован «Путешественником» из коллекции мадридского Эско-риала. Других репродукций Анна не могла видеть, Франц был уверен, он всегда был рядом. Никто никогда не пересказывал «Искушений» за всю ее жизнь, о них Франц точно не слышал даже упоминания или аллюзии еще со времен обучения. Это означало, что произошло так, как говорила прорицательница: сны Анны показывают, как могло бы быть.

Но Франц не угомонился. Он побежал к Лоци и попросил, чтобы тот где угодно срочно заказал альбом Босха. Франц готов был ждать долго, лишь бы знать, что что-то происходит.

Лоци пообещал заказать альбом завтра же. И сказал, что имеет в своей библиотеке Босха, но только одну репродукцию – «Искушения святого Антония».

Анна без колебания показала свою обнаженную фигуру в правом верхнем углу центральной части картины.

Когда же они одновременно узнали Непростых в двух главных фигурах из четырех, переходивших через мост на левом крыле триптиха, то Франциск пообещал себе сделать этот фильм.

26. Работалось как никогда тяжело. Франциска одолевали сомнения. Он непрерывно размышлял, сможет ли передать настроение, колорит, атмосферу, сумеет ли расшифровать все тайные значения, следует ли показывать кому-то такое, не выглядит ли Босх смешно и безвкусно, не грех ли перерисовывать всякую нечисть и содомию, не обидит ли он Непростых, не навлечет ли беды на Анну, не сделал ли он кому-нибудь зла сознательно или неосознанно, имеется ли смысл в искусстве, доживет ли он до окончания работы, не произойдет ли чего-нибудь плохого на презентации, будет ли его смерть мучительной, встретится ли он после смерти с

родителями, ждет ли там его Анна, будет ли когда-нибудь счастливым его народ, есть ли что-нибудь в мире лучше, чем наши любимые горы Карпаты, стоит ли так много думать, стоит ли все запоминать, хорошо ли всем все рассказывать, обязательно ли говорить красиво, думают ли растения, существует ли завтра, не состоялся ли конец света раньше, долго ли еще выдержит он без женщины, не находится ли он под властью дьявола.

27. Точный ответ на последний вопрос был бы ответом на многие другие. Несмотря на то, что Франц был убежденным греко-католиком, в частых дискуссиях на джиновом курорте всегда аргументированно побеждал манихеев, катаров, альбигойцев и ничего в мире не боялся, потому что был уверен в правильности Божьего замысла, дьявол за время работы над этим фильмом являлся ему трижды.

28. В первый раз он не показывался, только очень лаконично обнаружил одно свое свойство. Он был как магнит.

Францу снилось, что он лежит на полу. Вдруг, не делая никаких движений, даже не напрягаясь, он двинулся по полу к стене. Затем – в другую сторону. Потом еще и еще, с перерывами, быстрее и медленнее. Как будто он – металлическая пылинка на листе бумаги, а под бумагой двигают магнитом. Один раз его понесло даже вверх по стене – так же лежа – и аккуратно опустило на пол.

После того дьявол попросил внимательно следить за тем, что будет. Он двинул Франца в угол. Оказалось, что там спит его учитель. Франца подтолкнуло к учителю и сразу же потянуло назад. Учитель, не прикасаясь к телу Франца и не пробуждаясь, поехал за ним. Видишь, сказал дьявол.

Гблоса Франц не слышал, но то, что дьявол говорил, откуда-то знал.

29. Во втором и третьем снах дьявол использовал разновидности одного и того же приема.

Второй сон был коротким. Франц стоял на улице в Яливце (место было настоящим, он его хорошо знал). Ждал свою Анну, которая уже оказалась в конце улицы. Вдруг к нему подъехал броневик Бэды. Из верхнего люка выглянул Бэда и сказал, что он привез кое-кого, с кем они сейчас выпьют джина. Из боковой двери вышел какой-то господин и подошел к Францу. Анна была все ближе. Человек стоял спиной к Анне и броневнику. Он вынул из внутреннего кармана бутылку, вытащил пробку и протянул бутылку Францу. И тут все произошло. За те несколько секунд, пока и Анна, и Бэда подошли к ним, Франц успел заметить смену нескольких тысяч различных ликов на голове господина, сотен жилеток под распахнутым пиджаком, десятков форм бутылок и оттенков напитка. Когда он и Франц оказались не вдвоем, калейдоскоп остановился. Господин улыбался, улыбались Бэда с Анной. Франц выпил первым. Вкус напоминал ренклоды. Бутылку передал Бэде, а тот – господину (Бэда их так и не познакомил). Когда очередь дошла до Анны, Франц почему-то выкрикнул, что она не пьет. Никто, кроме Анны, не удивился и не упрасивал. А Франц незаметно, но очень сильно сжал ей палец. Он уже знал – кто это.

30. После третьего сна Франциск пошел на высокий мост и рассказал Непростым о Босхе. Все ж таки в башне, – сказал верхоблюду⁸. Франц спросил, показывать ли кому-нибудь уже законченный фильм. Это зависит только от твоего желания, ответили Непростые. Хотя подумай, может, не пристало показывать наши лица там, где вам померещилось. А пока иди домой

⁸ *Верхоблюду* – знахарь-визионер.

и приглядывай за Анной, мы должны немного попутешествовать по мирам, но скоро она станет женщиной и будет знать, где нас найти, сказал баильник⁹.

31. Дома Франц сжег рисунок, на котором был набросан сон Анны.

Для того чтобы быть счастливым, – сказал он ей, – надо прожить без тайн, а из чужих знать только те, которые можно рассказывать под пытками.

Он очень боялся, что Непростые рано или поздно могут прийти за фильмом, поэтому завещал Анне никогда не вспоминать о том, что он существовал. Но если бы кто-то захотел узнать что-нибудь с помощью пытки, то следует сразу же рассказывать все, что хотят. Не пытаться обмануть, а говорить правду. Поэтому ты должна знать, что я все уничтожил.

Франц упаковал фильм в капшук¹⁰ и вышел за город, чтобы сжечь его, выбросить в пропасть или утопить в буркуте¹¹.

По дороге он подумал: как бы Анну ни мучили, она будет говорить правду – фильма нет. Парадоксально, но это будет единственной правдой, в которую палачи не поверят и пытки не прекратятся.

В таком случае жаль уничтожать фильм. Может, он как раз когда-нибудь пригодится. Пусть найдет кто-то такой, кто посмотрит, проанализирует, хорошенько подумает и поймет – что это за Непростые и как они вертят миром. Ведь всегда постепенно выясняется, как все-все в мире соединены со всем – переходами, которых не больше четырех.

⁹ *Баильник* – знахарь, лечащий заговорами и заклинаниями.

¹⁰ *Капшук* – кисет для табака, изготовленный из козьей шкуры.

¹¹ *Буркут* – местное название источников углекислых минеральных вод на Закарпатье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.